

В.В. АНОХИНА

ПАРАДОКСЫ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Выделяется ряд идеологических установок традиционной культуры Китая, ответственных за выбор ценностных приоритетов его социальной динамики. Рассматривается дилемма «традиция – модернизация» в контексте современной стратегии развития Китая, выявляются культурные предпосылки ее возможного разрешения.

In this article the author allocates a number of the ideological installations of traditional Chinese culture, which are responsible for a choice of valuable priorities of its social dynamics. Considering a dilemma «tradition – modernization» in a context of the modern Chinese strategy of development, the author defines cultural preconditions of its possible decision.

С начала XXI в. социальная философия все чаще обращается к анализу культурно-мировоззренческих и цивилизационных факторов, определяющих перспективы современной социальной динамики. Интерес к этой проблематике обусловлен, с одной стороны, расцветом цивилизационной парадигмы в постклассической философии истории и становлением глобалистики. Благодаря работам С. Хантингтона, П.Л. Бергера, И. Валлерстайна, Ф. Фукуямы, Ш. Айзенштадта и др. в научный оборот прочно вошли понятия «столкновение цивилизаций», «конец истории», «мир-система», отразившие новую конфигурацию мирового порядка, в котором формационная модель истории утратила свою актуальность. С другой стороны, неравномерность социально-экономического развития со-временных государств, региональные диспропорции в динамике мирового народонаселения, обострение экологических проблем и дефицита ресурсов стали стимулом для философского анализа от-личных друг от друга, относительно автономных культурных миров, которые под влиянием глобализации не только пришли в тесное соприкосновение друг с другом, но стали своеобразными центрами культурно-цивилизационной интеграции народов.

В последние годы обращает на себя внимание рост интереса к специфике цивилизационных взаимодействий по оси «США – Россия – Китай», которая сменила прежнюю доминанту компаративных исследований, выстраивающих более абстрактную культурологическую ось «Восток – Запад». Россия и Китай, являясь региональными лидерами, нацелены на построение многополярной системы мира, в то время как США, руководствующиеся парадигмой «атлантизма», пытаются укрепить однополярную геополитическую модель, в основе которой лежит идея мирового господства Америки. В этом контексте возможные столкновения их геополитических интересов могут определить динамику цивилизационных процессов современности.

Данная статья является результатом исследования роли традиционных ценностей в развитии современного Китая. Ее цель – анализ влияния китайской культурной традиции на особенности модернизации и формы позиционирования Китая в глобальном социокультурном пространстве.

Ценностное ядро китайской цивилизации формировалось в соответствии с континентальной эгоцентрической моделью ойкумены, присущей большинству земледельческих культур Центральной Азии. Это объяснялось наличием больших континентальных пространств – равнин Внутреннего Китая, которые невозможно было втянуть в орбиту влияния морской торговли, несмотря на имевшиеся впоследствии выходы к морям. Начиная с эпохи Западного Чжоу (XI–VIII вв. до н. э.) и до опиумных войн (1839–1860), Китай постоянно расширял пространственные границы, поглощая и ассимилируя племена на своих юго-восточных и северо-западных окраинах. Процесс экспансии предполагал завоевание новых территорий, имеющих плодородные поля для развития земледелия и залежи полезных ископаемых, а также активную культуризацию этносов, ведущих более примитивный образ жизни. Экстенсивное развитие Китая означало культурно-идеологическое доминирование центра над периферией, где центр – Срединное Государство («Чжунго») – имел интегративно-цивилизующее значение.

Основы китайской культурной традиции начинают складываться в эпоху «Сражающихся Царств» (с 481 г. до н. э.). Особое значение в истории Китая имела культура династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), четырехсотлетнее царствование которой стало эпохой, когда на основе синтеза философских школ и компромиссов в политике был сформирован мощный идеологический комплекс, сложились незыблемые основы имперского правления и стала очевидной главенствующая роль традиции в консолидации китайской ойкумены¹.

Особенностью культурного ядра китайской цивилизации была выработанная в эпоху Хань стратегия развития «Великого Китая», направленная на стабилизацию всех подсистем общественной жизни². Ценностно-мировоззренческим основанием этой стратегии был идеал социокосмической гармонии, согласно которому человеческий мир есть зеркальное отражение небесного, а совершенство мирских порядков зависит от характера человеческих поступков, от правильной организации общества, от образа жизни правителя и применяемых им методов управления.

В соответствии с традицией общественные изменения описывались циклической закономерностью «сыдэ» (название одной из мантических формул «И цзин»), буквально означающей «начало, развитие, определение, бытие»³. Мировое движение мыслилось как циклический процесс, полностью воспроизводящий все функциональные характеристики универсума. Пространственное устройство государства понималось по аналогии с устройством человеческого тела. Его сердцем являлись территории Срединного Государства и резиденция императора, китайские провинции принимались за внутренние органы государственного организма, иноземные «варварские» царства, расположенные вокруг и втянутые в китайскую политику, – за его конечности.

В этой модели социума, заданной культурной традицией, всепроникающая регулятивная роль последней обосновывалась принципом изоморфизма структурных уровней универсума. Правила нравственного поведения и отношений в семье должны были походять на правила социальной и политической организации, а те, в свою очередь, – соответствовать мировому порядку. Принцип корреспонденции фиксировался категориями «и» («подобное», «правильное», «соответствующее» («долг», «справедливость») и «ли» («правило», «этикет», «ритуал»). В них воплощалась центральная идея конфуцианства – создание всеобщееуниверсальной системы нормативной регуляции, направленной на гармонизацию всех сфер общественной жизни и опирающейся на вековую традицию, эталонные установления мифических предков.

Кратко обрисованная китайская цивилизационная стратегия выражала доминанты культурного ядра императорского Китая, который посредством политической и социокультурной организации пространства и создания сети коммуникаций способствовал формированию единого культурно-исторического типа.

Экспансия вовне всегда рассматривалась в Китае как предпочтительный путь решения внутренних проблем. Движение энергии от центра к периферии, расширение сферы влияния – традиционная установка китайской культуры, в целом отвечающая геополитическим амбициям континентальных цивилизаций, которые имеют реальную возможность увеличения территорий. Поэтому не удивительно, что на геополитической карте мира начала XXI в. американский политолог Дж. Аллен выделяет Китай в самостоятельный регион мировой геополитики⁴. В Евразии он сегодня существенно потеснил Россию и все активнее заявляет себя на роль мировой державы.

Начиная с 2000 г. Китай вошел в новую фазу своего взаимодействия с миром, становясь значимым субъектом глобализации. По статистическим данным Всемирного банка, в 2007 г. мировой ВВП составил более 56 трлн долл., где на долю США пришлось почти 25 % этой суммы. На долю китайской экономики – чуть более 3 трлн долл., т. е. в 2007 г. доля Китая в мировом ВВП составила около 5 %⁵. Симптоматично, что провозглашенная Цзян Цзэмином стратегия глобального внешнеэкономического наступления Китая (на III сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) девятого созыва в Пекине весной 2000 г.) получила девиз «Идти вовне». Основной целью этой стратегии стало превращение КНР к 2020–2030 гг. в экономически самую мощную державу мира⁶.

Современный статус Китая в системе цивилизационных взаимодействий определяется как объективными индикаторами социально-экономического развития, так и содержательной спецификой цен-

ностных приоритетов его стратегии «Идти вовне». Являясь символом китайского миллениума, она подразумевала увеличение потока инвестиций в китайскую экономику за счет прямых капиталовложений со стороны богатой китайской диаспоры за рубежами КНР («хуацяо»), а также за счет создания благоприятного инвестиционного климата посредством либерализации торговли и финансово-банковской системы; быстрое обновление технопарка страны; сохранение экспортной ориентации экономики как генерального направления ее развития; формирование глобальной многосторонней торговой системы за счет создания международных сетей сбыта китайских товаров; использование двух рынков и двух источников сырья – внутреннего и зарубежных; формирование китайских ТНК с широкой и разнообразной международной специализацией труда.

Сегодня Китай представляет собой крупное, наиболее самостоятельное в политическом отношении государство с беспрецедентно быстро растущей экономикой и ярко выраженной этнокультурной идентичностью. Все это позволяет считать его цивилизационным полюсом силы в структуре многополярного мира. Кроме того, он является безусловным региональным лидером в Юго-Восточной Азии, обладающим высоким потенциалом культурного влияния за счет сохранения и широкого распространения конфуцианских ценностей в регионе, наличия устойчивых цивилизационных алгоритмов, которые четко артикулируются в китайских национальных проектах.

В концепции маятниковой цикличности процессов глобализации, выдвинутой рядом российских экспертов (В.И. Якунин, В.Э. Багдасарян, В.И. Куликов, С.С. Сулакшин), ближайшее будущее предстает в форме биполярного мира с двумя взаимодействующими центрами силы – США и Китаем, а также с рядом ведущих мировых акторов, среди которых будут страны ЕС, АСЕАН, Арабского мира, субъекты геополитического проекта Турции «Великий Туран», страны объединения МЕРКОСУР, претендующие на второй иерархический уровень глобальной геополитической системы. В последующем многочисленные противоречия внутри этих блоков и неизбежная конкуренция приведут к становлению многополярной модели, весьма недолговечной и постепенно сменяющейся биполярной и однополярной структурой⁷.

Таким образом, изменение статуса Китая в глобальной геополитической конфигурации будет во многом определять специфику его взаимодействий с другими цивилизациями. Характер этих взаимодействий закладывается уже сегодня и во многом базируется на ценностно-символическом ядре его более чем трехтысячелетней культурной традиции.

Следует отметить, что ценностно-символическое основание культурной традиции Китая складывалось в период генезиса и укрепления древнекитайской цивилизации, когда страна также совершала культурную и социально-политическую экспансию вовне. В мировоззренческом комплексе эпохи Хань можно выделить ключевые универсалии, оказавшие системообразующее воздействие на духовную культуру Китая и социальный строй данной цивилизации. Именно эти универсалии сегодня определяют специфику китайских проектов модернизации.

Во-первых, это идея Неба («Тянь») – морального и космологического абсолюта, определяющего правила природного и социального порядков в Поднебесной. Культ Неба с незапамятных времен был в Китае связан с легитимацией отношений господства и подчинения, которые возводились в ранг священных установлений. Культ Неба в традиционной обрядности китайцев укреплял веру в абсолютный статус императора – сына Неба, в необходимость централизации всех функций власти, поскольку у мирового порядка есть только одна основа – воля Неба.

Сегодня эта идея обеспечивает культурную интеграцию китайцев, утверждая их цивилизационную идентичность, и напоминает им о непреложности моральных и естественных законов, управляющих Поднебесной, источником которых они традиционно считали Небо.

Вторым инвариантом китайской культурной традиции следует считать учение о Дао – безличном первоначале и Пути каждой вещи в Поднебесной. Философия даосизма развивала древнюю идею перемен («и»), согласно которой решающее значение для понимания вселенной имеют не ее субстанциальные основы (материя или дух), а способ внутренней организации, определяющий ритмичность и последовательность изменений. Хаосу в даосской системе ценностей противостоит «постоянство», которое трактуется с позиций функциональной картины мира и принципа «не-деяния» (у-вэй).

Сегодня идея постоянства трактуется как пребывание в состоянии перманентного изменения, осуществляемого в соответствии с мировым космическим ритмом Дао.

Третьей значимой идеей китайской картины мира можно считать идею гуманности, ставшую основанием традиционных моральных концепций (Конфуций «Лунь юй»). Важнейшей добродетелью каждого воспитанного китайца было провозглашено человеколюбие («жэнь») – основа человеческой природы, истинный путь благородного мужа, а также высший этический принцип, который требует преодоления личного и возвращения к небесным правилам «ли».

Сегодня этот принцип позволяет китайцам терпеливо переносить тяготы модернизации. Глубокое чувство социальной ответственности, твердость, целеустремленность и неукоснительное соблюдение долга при исполнении своих обязанностей, повышенная требовательность к себе и отсутствие

корыстных устремлений – таковы необходимые качества гуманного человека «цзюнь-цзы» согласно традиции. В этом конфуцианство с древних времен видело смысл космической гармонии.

Эти три универсалии китайской культуры – идея Неба как источника всякого порядка во Вселенной, Дао – Пути изменения и гармонии, а также принцип гуманности (человеколюбия), определивший специфику понимания статуса и роли человека в Поднебесной, – стали мировоззренческим ядром китайской культурной традиции, которая, подобно «Мировому древу», своими ветвями пронизывала все сферы жизни китайского социума. На каждом новом витке истории Китая эти универсалии получали свою особую интерпретацию.

В современной китайской культуре, политике и идеологии по-прежнему можно увидеть отзвуки этих семантических констант культурной традиции. Сегодня Китай, как и в древности, ориентирован на укрепление и поддержание единства, символом которого выступает национальный проект процветания Великого Китая. Важнейшим парадоксом, который современная китайская культура стремится разрешить, является причудливое взаимопроникновение модернизации и традиционализма.

С одной стороны, китайская экономика демонстрирует бурный экономический рост, а китайская политика, именуясь социалистической, делает все больший крен в сторону либерализации рынков товара и капитала. С другой стороны, после окончания «культурной революции» в 1980-е гг., когда Китай перешел к политике реформ и открытости, отношение официальных кругов страны к культурному наследию, отрицавшемуся маоистами, радикально изменилось.

Как свидетельствует газета «Жэньминь жибао» (от 11 октября 2008 г.), в сентябре на родине легендарного Конфуция в г. Цюйфу (пров. Шаньдун, Восточный Китай) состоялся Первый всемирный конгресс конфуцианства, в котором приняли участие свыше 170 специалистов и ученых из 22 стран и регионов мира, включая Китай, США, Францию. Все выступающие отмечали, что такие ведущие приоритеты конфуцианской идеологии, как человеколюбие и управление государством на основе добродетели, уважение ритуала и нравственно-этических норм, можно рассматривать в качестве отправной точки в движении к новому международному порядку, к созданию гармоничного мирового сообщества на основе проверенных тысячелетиями ценностей. По словам заместителя министра культуры КНР Чжоу Хэпина, изучение конфуцианства сегодня призвано способствовать стыковке традиционных и современных представлений о ценностях, обеспечить органичное слияние восточной и западной культур. «В современном обществе конфуцианство должно не только служить духовным руководством китайской нации, – отмечал ректор Сянганского института конфуцианства Тан Эньцзя, – но и играть достойную роль в содействии миру во всем мире, повышении нравственных качеств человечества, многообразии и общем процветании мировой культуры и равенстве мировых религий»⁸.

Сегодня идет процесс активной пропаганды китайской культуры во всем мире, в Китае открываются традиционные конфуцианские школы, институты и центры Конфуция, проводятся научные конференции и разнообразные культурные мероприятия, ориентированные на возрождение культурного наследия китайской цивилизации. И все это благополучно совмещается с неоиндустриальной стратегией развития китайской экономики, установкой на построение инновационного общества.

Этот очевидный парадокс вовсе не является случайной аберрацией новейшей истории. Дилемма модернизации и традиции прекрасно разрешалась в Китае со времен того же Конфуция, который говорил своим ученикам: «Я не родился со знаниями. Я получил их благодаря любви к древности и настойчивости в учебе. ...Слушаю многое, выбираю лучшее и следую ему; наблюдаю многое и держу все в памяти – это и есть способ постижения знаний»⁹. Именно поэтому, подчеркивает В.В. Малявин, жизнь современного Тайваня, Гонконга или Сингапура свидетельствует о том, что ценности традиционной дальневосточной цивилизации легко уживаются с современной техникой, современными методами организации управления и самыми передовыми идеями.

Динамика традиционной китайской культуры всегда была связана с последовательной модернизацией предания, рядящейся в одежды восстановления подлинной старины. Пластичность китайской культуры определялась присущей китайскому мироощущению пустотностью бытия, несубстанциальностью философско-религиозной картины мира, функциональный характер которой базировался на признании неопределенного и непознаваемого Дао в качестве первоосновы всех вещей. И конфуцианская, и даосская философии, несмотря на оппонирование друг другу, предопределили отсутствие догматизма в китайском мышлении, способность китайцев ассимилировать любые культурные влияния, используя, подобно боевым искусствам, энергию их воздействия во благо китайской цивилизации и не утрачивая при этом свой традиционализм и идентичность.

Другой парадокс современного Китая связан с логикой развития его политической системы, своеобразным освоением демократических принципов авторитарно-тоталитарным партийным руководством. Идея Неба, источника незыблемости небесных «ли», определила социальный строй китайской цивилизации, этатизм китайского политического сознания с четко фиксированной иерархичностью отношений и безусловным приматом интересов государства, «Великого Китая», над частными устремлениями индивидов. Вера в небесное происхождение «ли» сделала сакральным для традиционного китайского мышления принцип порядка, гармонизирующий любые хаотические состояния. Это повлекло развитие особой установки в поведении китайцев, ориентирующей их на упорное и последовательное упорядочение всех форм социальной жизни и деятельности.

Гуманность как ключевая добродетель истинного китайца понималась в культуре этой цивилизации совсем не так, как на Западе. Индивидуализму западного сознания, восходящему к раннехристианской апологии личностного начала в человеке, свободе воли, китайцы успешно противопоставляют принципы коллективистской конфуцианской этики. Демократии западного образца, выстроенной на основе ценностей либерализма, они предпочитают моистские образцы демократического устройства социума. К этому следует добавить конфуцианское почитание Неба, порядка и человеколюбия, из которого вытекает требование гармонии отношений между людьми в семье, обществе и государстве, гармонии человека и окружающего его мира природы.

В XXI в. ценностные доминанты национального проекта возрождения Китая, выдвинутого Дэн Сяопином в 1988 г., подверглись дальнейшей конкретизации. Сегодня задача достижения среднемирового уровня благосостояния китайского народа к 2050 г. трансформировалась в более масштабную цель – завоевание первого места в мировой экономике. Модернизация Китая – это не стратегия стабилизации, а стратегия «гармоничных перемен». Современное китайское общество ориентировано на инновационный, постиндустриальный тип развития. Страна отказалась от стратегии консервации производства и стабилизации общественных отношений за счет радикальных ограничений качества жизни. Как отмечает Л.В. Новоселова, принятая на XVII съезде КПК в октябре 2007 г. новая модель экономического роста КНР предусматривает последовательный перенос основных акцентов развития на технологически емкие, энергосберегающие и экологически чистые отрасли производства, на развитие сферы услуг и повышение качества жизни населения¹⁰. При этом к 2020 г. намечено вхождение Китая в число лидирующих инновационных государств мира.

По результатам исследований российского экономиста И.А. Петухова можно судить, что рост в 15 раз ВВП Китая за последние 30 лет в значительной степени обусловлен эффективным использованием интеллектуальных ресурсов¹¹. Выступая на форуме по вопросам развития Китая в марте 2008 г., президент Академии наук Китая Лу Юнсян выделил четыре направления, по которым необходимо активизировать работу для ускоренного внедрения в промышленное производство страны высоких наукоемких технологий. Среди них – рост вложений в научно-исследовательскую инфраструктуру и фундаментальные исследования в передовых областях современной биологии и микробиологии, квантовой теории и др., формирование рыночной среды, которая будет благоприятствовать справедливой конкуренции и инновациям, создание общественной культурной среды, поощряющей инновации и открытое сотрудничество, изменение системы образования и воспитания с целью формирования специалистов, способных создавать и развивать государство инновационного типа¹².

Векторы этой экономической политики позволяют говорить о формировании гармоничного и сбалансированного типа цивилизационного развития, что крайне важно в транзитивный период. Инновационная экономика невозможна вне соответствующей социальной, информационной и культурно-образовательной инфраструктуры, обеспечивающей распространение научно-технического прогресса во всех областях общественной жизни, развитие инновационных технологий управления и других социальных технологий, способствующих росту человеческого и социального капиталов общества. Все это должно сопровождаться радикальными сдвигами в социальной структуре, реформированием систем образования и такими изменениями в институтах и процессах социализации, которые способствуют формированию особого типа личности, мотивированной к творческому, заинтересованному труду, постоянному совершенствованию профессиональных знаний, компетенций, освоению новых технологий и форм деятельности.

В этом контексте инновационная политика Китая носит комплексный и рационально-поступательный характер, вполне соответствующий максимам его культурной традиции. Реализуя «центристский» сценарий политического курса, китайская партийная элита ориентирована не на «равенство в нищете» и стагнацию, а на углубление экономических реформ и расширение их социальной базы за счет повышения уровня жизни и последовательной демократизации властных структур, что в целом соответствует идеям учителя Мо Ди о связи «всеобщей любви и всеобщей пользы».

В XXI в. Китай осуществил важнейший прорыв в своей трехтысячелетней истории – он стал открытым миру, сохранив свою культурно-цивилизационную идентичность. Тем самым он продемонстрировал возможность реального разрешения парадокса «традиция – модернизация», сочетая эти противоположности подобно динамичному взаимодействию «инь-ян» в утонченной ритмике Дао.

¹ См.: Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., 2000. С. 76.

² См.: Анохина В. В. Экологические проекции социальной динамики и культурные традиции. Мн., 2003. С. 98–104.

³ Древнекитайская философия. Эпоха Хань: Антология / Сост. Ян Хиншун. М., 1990. С. 47.

⁴ См.: Глобальная геополитика / Под ред. И.И. Абылгазиева и др. М., 2010. С. 103–105.

⁵ См.: Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко / Отв. ред. С.Г. Лузянин. М., 2009. С. 85.

⁶ См.: Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом / Отв. ред. Г.И. Чужбин. М., 2004. С. 19–38.

⁷ См.: Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества / В.И. Якунин и др. М., 2009. С. 289–307.

⁸ Роль конфуцианства в современном мире // Газета «Жэньминь жибао» он-лайн. 11 окт. 2008 г. [Электронный ресурс].

Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/6513470.html>

⁹ Древнекитайская философия: Собр. текстов: В 2 т. / Сост. Ян Хиншун. М., 1972. Т. 1. С. 154.

¹⁰ См.: Китай: поиск гармонии... С. 67.

¹¹ Там же. С. 77.

¹² Там же. С. 83.